

ИЗ ИСТОРИИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В ОРЕНБУРЖЬЕ

В статье кратко анализируется процесс насильственной коллективизации сельского хозяйства в истории Оренбургского края, раскрываются негативные и отдельные позитивные моменты в результатах ее осуществления.

Менталитет российского крестьянства во многом был обусловлен его многовековым общинным землепользованием, которое по существу означало простейшую форму кооперации.

Декрет о земле, принятый Вторым Всероссийским съездом Советов, провозгласил, как известно, свободу землепользования. Ничего не было удивительного в том, что большинство российских крестьян, став перед свободой выбора, отдало предпочтение традиционным, общинным формам.

С конца XIX, особенно начала XX вв. в России бурно (значительно быстрее, чем в других странах) развивались различные формы кооперации. К данному выводу пришел не только М.И. Туган-Барановский – блестящий знаток истории России. По его данным к 1917 г. различными формами кооперации было охвачено 84 млн. чел., то есть более половины населения России [1].

И по числу кооперативов и их членов дореволюционная Россия занимала первое место в мире. К такому же выводу пришли многие деятели, исследовавшие историю отечественной и зарубежной кооперации тех времен, считавшие, что Россия по размаху кооперирования занимала первое место в мире.

В кооперации (большинство изучавших ее) видели основы для коллективизации сельского хозяйства, для перестройки его по социалистическому пути. Ибо кооперация успешно сочетала личные и общественные интересы, более того, она аккумулировала, как нам думается, рыночные, коммерческие стороны деятельности с эволюционным внедрением социалистических начал [2].

В оценке российской общины К. Маркса и В.И. Ленина до 1917 г. была существенная разница. Маркс допускал возможность, и даже соглашался с видными народниками России, перехода на ее основе к коллективным формам ведения сельского хозяйства, к социализму. В 1882 г. Маркс и Энгельс, решая вопрос непосредственного перехода русской общины в высшую коммунистическую форму, усматривали положительную роль, которую может сыграть община при условии демократической революции и свержения царизма [3].

Ленин не признавал этой возможности, хотя после победы Октября из трех названных

им форм в Декрете о земле, считал общинную более эффективной стартовой площадкой для коллективизации. Но в целом, надо признать, он недооценивал возможности общины как орудия перестройки земледелия на социальных началах. Хотя позднее, уже в период последней тяжелой болезни, он приходит к выводу «о перемене всей точки зрения на социализм» и склоняется к идее «кооперативного социализма» (конец 1922 – начало 1923 гг.) [4].

Ленин тогда считал, что только органическое сочетание личного и общественного интереса, который он усмотрел в кооперации, выведет Россию на путь подлинного социализма, на дорогу успешного решения проблем, которую поставила перед ней история.

В годы гражданской войны кооперация свелась к единой потребительской форме, членство в ней стало обязательным и только после того, как отгремели грозы военных действий в 1923 г. принудительность членства в кооперации была отменена.

В последующие годы началось возрождение всех форм кооперации. Однако наступившее торжество сталинщины первоначально в партии, открывшее дорогу к «чрезвычайщине», а затем ускоренный курс только на производственную кооперацию с удушением всех других форм кооперации, развернувшееся насилие над крестьянством, последовавшее затем раскулачивание и сверхударные темпы коллективизации вместо четверти века за один год привели к трагедии значительной части крестьянства.

Говоря о смене четверти века, который первоначально намечал первый пятилетний план для коллективизации (18% вовлечения в колхозы за первые пять лет). Думается, что вполне обоснованно говорим, что на коллективизацию отводилось примерно четверть века, если учесть первоначально заложенные в первую пятилетку темпы преобразований сельского хозяйства. Четверть века обеспечивали «спокойный», разумный темп коллективизации, а главное ее добровольность, без всякого нажима и раскулачивания.

Напомним, что первый пятилетний план составлялся на основе принципов НЭПа большой группой ученых России, 180 из которых

были позднее награждены высшей наградой того времени – орденом Красного Знамени. Это были ученые хорошо знавшие историю не только России, но и всего мира. Экономисты, трезво оценивавшие реальные возможности и учитывавшие грандиозность стоящих задач.

Коллективизация в Оренбургском крае представляет особый интерес, ибо Оренбургская губерния была одной из крупнейших в России по пахотным площадям. Губерния, как и вся Россия, была многонациональной. Край был третьим в России по численности казачьего населения.

Оренбуржье было одним из районов неустойчивых урожаев, губернией, которую часто постигали неурожаи. Все это и определяло особый интерес к процессу коллективизации в Оренбургском регионе.

Губерния была одним из крупнейших сельскохозяйственных районов России. Все это обуславливает особую значимость изучения коллективизации данного региона.

Неурожай 1927 г. отразился на настроении крестьян, снизилась товарная продукция. Если в 1926 г. ее было получено 16 млн. пудов, то в 1927 г. только около 5 млн. пудов. В этой обстановке стали прибегать к насильственным мерам в осуществлении хлебозаготовок.

В 1928 г. апрельский пленум ЦК и ЦКК потребовал не ослаблять хлебозаготовок, а усилить их. Заявлялось, что в некоторых местах они сильно снизились, а в других совершенно прекратились. Обсудив положение, Оренбургский обком решил приостановить досрочное взыскание кредитования с зажиточной кулацкой части. Заявлялось о прекращении продажи хлеба без предъявления квитанции. «К наиболее злостным, занимающимся перекупкой и скупкой, применять статью 107 в судебном порядке... Провести кампанию о решительном наступлении на кулака».

В то же время обком настаивал на недопущении перегибов, имевших место в прошлом году: поголовные обыски, хождение по амбарам, применение репрессивных мер без суда, запрещение торговли хлебом на базарах» [5].

Однако вскоре было разослано письмо от 19 мая народным судьям Оренбургской губернии, в котором говорилось: «С начала же апреля положение с хлебозаготовками резко изменилось к худшему... имеют место случаи ослабления нажима на кулацко-зжиточные слои, сознательно срывающие наши хлебозаготовительные планы. Кулаки стремятся изобразить,

что их хлебные излишки не превышают нормы, предусмотренной 107 с. уголовного кодекса (1000 пудов)». В письме отмечалось, что «кулаки с этой целью практикуют дачу в долг хлеба бедноте на растовщических условиях до нового урожая (за пуд отдавать два пуда..., размещают свой хлеб по чужим амбарам...)» и т. д.

Письмо призывало к усилению нажима на кулаков и частников, сокращению излишков до 500 пудов. Народным судам была дана команда рассматривать указанные дела в срочном порядке.

Отсутствие хлеба для сдачи по заготовкам побуждало крестьян продавать за бесценок скот, чтобы избежать ареста, а, кроме того, чтобы собрать деньги для насильственно распространенного среди крестьян займа [6].

Переход на чрезвычайные насильственные меры в осуществлении хлебозаготовок и займов означал полное удушение нэповских методов. Переход к ним вызвал стремление крестьян к сокращению посевов, чтобы не зачислили в кулаки.

Удары репрессий далеко не всегда направлялись против кулаков.

Так, в селе Софиевка Шарлыкского района 17 мая 1928 г. суд осуществил санкции по статье 107 братьям Илье и Михаилу Свиридовым, лишив их свободы на три месяца с конфискацией имущества. У Ильи в хозяйстве было 2 коровы и 1 лошадь, у Михаила – 2 лошади и 1 корова. Их хозяйства никак нельзя было отнести к кулацким. Братья подали обжалование в губернский суд, однако кто-то из Оренбургского губкома ВКП (б) дал команду: приговор оставить в силе.

Аресты применялись не только в отношении кулаков и середняков, но даже бедняков. Практиковались ночные вызовы к уполномоченным по хлебозаготовкам, что порождало панику среди сельчан. Для обеспечения хлебозаготовок применяли заградительные отряды, которые препятствовали вывозу хлеба на рынок.

В Шарлыкском и других районах для более энергичного обеспечения хлебозаготовок использовалась и такая мера, как снятие сит на мельницах, чтобы нельзя было перемалывать зерно на муку. Была установлена норма помола: 4 пуда на едока на 3 месяца, т. е. меньше 700 гр. на человека в день. Применялась и такая мера как запрещение продажи промышленных товаров крестьянам без справок о сдаче хлеба.

Крестьяне стали прятать хлеб, скармливать скоту, отдавать на сохранение беднякам. Характеризуя «чрезвычайщину», жители сел Оренбур-

жья заявляли: «Опять настал 19-й год. Начали отбирать хлеб и ввели непосильные налоги». В письме крестьянина Торокина из села Зобова говорилось: «Нет ничего глупее, как насилие в хозяйственных отношениях». При этом автор ссылаясь на слова В.И.Ленина. В Новопокровском районе Орского уезда из 25 человек, привлеченных по статье 107, большинство были середняки, имевшие всего излишков по 50 пудов зерна. Тогда как на одного человека требовалось 25 пудов, т. е. по килограмму зерна на день. Но ведь в крестьянских и казачьих семьях было по 4-5 человек [7]. Ясно, что имевших излишки в 50 пудов, нельзя было считать кулаками.

Положение усугублялось насильственными методами распространения государственного займа. Так, в Илекском районе тех, кто не выкупал облигации госзайма, сажали под арест, грозили лишением прав и земельного надела, держали в заключении до тех пор, пока родственники или близкие люди не вносили полностью сумму долга. Так было и в Красноярском Краснохолмского района [8].

Выступавшие против таких методов сотни коммунистов и комсомольцев исключались из рядов организаций, распускались даже целые сельские ячейки ВКП/б и ВЛКСМ.

С апрельского, а затем и июльского пленумов ЦК ВКП/б был принят курс на форсированную коллективизацию. Практики, трудившиеся в сельском хозяйстве, большинство из которых составляли Оренбургский окружком в июле 1928 г. твердо заявляли на 1-ой окружной конференции: «Думать, что через 2-3 года охватит производственными кооперативами 50-60 процентов крестьян, значит увлекаться, ставить перед собой нереальные задачи».

К октябрю 1928 г. в Оренбургском округе было 532 колхоза, объединивших 7237 крестьянских хозяйств, или 4,8% всего их числа. В ноябре 1929 г. в Оренбургском округе стало 1040 колхозов, в которых насчитывалось 27737 человек, что составляло 14% от всех крестьян [9]. А уже через несколько месяцев на Пленуме Оренбургского окружкома ВКП/б 5-7 декабря 1928 г. было принято фантастическое решение к весне 1929 г. увеличить сеть колхозов и простых кооперативных объединений не менее, чем на 50% [10].

Кроме имевших место насилия, сверхударных темпов создания колхозов, шел процесс наращивания механизации. Весной 1928 г. была организована Саракташская МТС. Вслед за ней возникли Переволоцкая, Каргалинская, Гамалеевская, Сорочинская МТС. К весне 1930 г. уже

имелось 8 МТС в Оренбуржье, а к концу этого года – 20. При этом 4 тракторные колонны были кооперативными. К 1 мая 1930 г. прибыло в Оренбуржье еще 900 тракторов.

Внедрение тракторов давало возможность резко увеличить посевные площади. В 1927 г. они составляли 635 тыс. га, в 1928 г. – до 910 тыс. га, в 1929 г. достигли уже 1247 тыс. га. Дореволюционный рубеж остался позади.

Весьма любопытны данные о динамике роста коллективных хозяйств в 1927-1928 гг. по Оренбуржью. В 1927 г. было: коммун – 185, артелей – 383, тозов – 4761, машинных товариществ – 379, мелиоративных – 573, животноводческих – 396. Через год стало: коммун – 373, артелей – 666, тозов – 3436, машинных товариществ – 1270, семенных – 265, мелиоративных – 360. Налицо значительный рост большинства форм, особенно тозов и машинных товариществ. Расширение сети производственной кооперации и разнообразие их форм способствовали подготовке условий для коллективизации. Были созданы крупные совхозы – гиганты в Каргале, а затем и в Бузулукском округе (позднее совхоз Электрозавод), где только под зябь вспахали 10 тыс. га.

Уже на этом этапе складывающаяся административно-командная система проявила себя во всякого рода ограничениях. Так, окружком ВКП/б предложил изжить болезненные уклоны в коммуне «Правда» (постройка отдельных домиков, дележ скота и птицы). В Переволоцком районе коллективу «Трудовое казачество» было запрещено сдавать землю в аренду.

Утвержденный в мае 1929 г. V Всесоюзным съездом Советов первый пятилетний план, осуществление которого началось с октября 1928 г., предусматривал охват колхозами 18-20% крестьянских хозяйств. Иначе говоря, коллективизация была рассчитана, как мы уже говорили, на 20-25 лет. В Оренбуржье теперь предполагалось, что колхозные посевы на 1933 г. составят 28,7% всех посевных площадей. Данные задания диктовались якобы необходимостью выхода мелких крестьянских хозяйств из нужды и избавления их от эксплуатации, преодоления рутинного состояния сельскохозяйственной техники, потребностями увеличения товарности сельскохозяйственного производства, нуждами индустриализации и Красной Армии.

На ноябрьском Пленуме ЦК ВКП/б в 1929 г. Сталин, не посчитавшийся с тревожными сигналами о развернувшемся «ударничестве» в создании колхозов в стране и применении методов командно-административных, дал установ-

ку на подхлестывание коллективизации. На сверхфорсирование коллективизации нацеливали статьи Сталина «Год великого перелома», а также его доклад «К вопросам аграрной политики СССР». Сложившийся к тому времени культ Сталина способствовал абсолютизации его высказываний, как важнейших директив. Это проявлялось и в том, что уже тогда шесть колхозов Оренбургского округа носили его имя. О складывании культа свидетельствовало направление письма Сталину второй Оренбургской городской партконференцией, которое начиналось словами: «Тебе – лучшему ученику Ленина – вождю нашей партии и международного пролетариата».

Задания пятилетнего плана, тщательно проработанного и весьма напряженного, стали произвольно пересматриваться в сторону увеличения. Началась безумная гонка коллективизации. в принятое 5 января 1930 г. постановление ЦК ВКП/б о темпах коллективизации и мерах помощи государству в колхозном строительстве, Сталин внес коррективы в сторону их увеличения. Задания первой пятилетки в области преобразования сельского хозяйства были отброшены как мизерные. В стране еще не было 100 тыс. тракторов, о которых В.И. Ленин говорил как о необходимом условии выбора крестьянина в пользу коллективизации, имела мест лишь треть этого числа, а уже была провозглашена начавшаяся якобы сплошная коллективизация, хотя в колхозах страны к осени 1929 г. находилось всего 7% крестьянских хозяйств. Поскольку соответствующих материальных и духовных предпосылок было еще недостаточно, в ход пошли насильственные меры, развернулась кампания «ударничества» по созданию колхозов.

Оренбургский окружком в декабре 1929 г., выполняя директиву центра, взял на сверхфорсирование осуществление коллективизации и июльское решение Оренбургского окружкома 1928 г. было отброшено. Теперь дали установку обеспечить к весне 1930 г. – 80, а к осени – 90 процентов вовлеченных в колхозы крестьянских хозяйств.

Обычно извращения, допущенные в период коллективизации с легкой руки Сталина, в прошлом долго оценивались, как перегибы, на самом деле правильней говорить о полном попрании разумных и гуманных принципов кооперирования. Подскочив по Оренбургскому округу к концу марта до 81 процента, а затем, в результате начавшегося отлива, он упал к концу мая до 48,5%. Наибольший отлив колхозов

был в Шарлыкском и Кашинском районах [11]

С урожая 1930 г. в среднем на едока в колхозах Оренбургского района оставалось 13, а на единоличника – 10 пудов зерна на год, т. е. в среднем 11 пудов. Это значит, что тогда у Оренбургского крестьянина на месяц было около пуда зерна, или по полкилограмма на день. Но, кроме того, район должен был сдать еще тысячу тонн зерна. И вышеуказанная норма сократилась бы еще больше. В годы гражданской войны в период продразверстки в среднем у крестьян на едока оставалось 17 пудов хлеба, а у рабочих – 7,4. Массовая насильственная ликвидация кулаков, охватившая 10-15% крестьянства, т. е. не только кулаков, но и середняков, стала особенно трагической страницей в коллективизации.

Заметим, что не намного лучше, чем у крестьян, было положение рабочих в 1930 г. В Оренбурге, как и в других городах страны, рабочие получали по карточкам, введенным с 1928 г., по 700 гр. хлеба. Нормы других категорий были еще ниже, а что касается «лишенцев», то они, как видим, не получали карточек, ибо считались «классовыми врагами». В магазинах для получения хлеба выстраивались длинные очереди, ибо печенного хлеба в Оренбурге не хватало. Именно в тот период и создается система закрытых распределителей. Их тогда в Оренбурге было 16, из них 7 – для железнодорожников. Но было бы неправильно думать, что созданные распределители немедленно гарантировали благополучие в обеспечении рабочего класса. Так, в столовых Оренбурга были периоды, когда отсутствовали жиры, а также крупы. Имелись и большие трудности с топливом. Но, в целом, создание закрытых распределителей было отходом от принципов равенства и социальной справедливости. Существенной разницы в хлебнорме (рабочих и крестьян), как мы видим, не было. А вот в расходах на социально-культурные нужды по бюджету в Оренбургском округе между деревней и городом была гигантская разница: 8 рублей на селе и 30 рублей в городе [12].

Взаимоотношения между городом и деревней, как говорилось тогда, шефство, были направлены на вовлечение крестьянства в социалистические формы хозяйствования, перенесение опыта города в деревню. Для оказания помощи в осуществлении коллективизации, в деятельности сельских ячеек ВКП/б и ВЛКСМ из Оренбурга были направлены в 1929-1930 гг. 1506 коммунистов и для оказания помощи во всех видах сельских работ 6913 комсомольцев,

из них постоянно – 181. Из Москвы и Орехово-Зуево были двинуты около 400 опытных представителей рабочего класса [13].

Шефская работа сосредотачивалась тогда, прежде всего, на ремонте тракторов. Для этого посылались рабочие бригады из квалифицированных токарей, слесарей в МТС. Рабочие Оренбурга изготавливали щиты для снегозадержания, принимали участие в оборудовании теплых конюшен, скотных дворов, запарников для грубых кормов, вагончиков для полевых станков. При оренбургских авиамастерских, артели «Красный партизан», техникуме механизации сельского хозяйства создавались ударные бригады из рабочих для ремонта сельскохозяйственной техники на данной базе. Большинство предприятий Оренбурга изготавливали запасные части для тракторов и других сельскохозяйственных машин.

По инициативе авиамастерских, взявших шефство над Сакмарской МТС, предприятия Оренбурга взяли конкретные участки работы: 17-й Металлозавод стал шефствовать над Нежинской, Паровозо-ремонтный V завод над Жаргалинской, 7-й Металлозавод над Нижне-Павловской МТС и т. д. Затем развернулось шефство цехов и участков заводов и фабрик непосредственно над бригадами и фермами колхозов, МТС, совхозов.

Ветеринарная служба Оренбурга, преподавательский состав зоотехникума периодически проводили профилактические осмотры телят в колхозах и совхозах. В Оренбурге была организована подготовка кадров трактористов.

Городские организации оказывали помощь в приобретении культинвентаря, в осуществлении агитационно-пропагандистской работы на селе.

Нарушение ленинских принципов кооперирования крестьянских масс состояло и в абсолютизации одной из ее форм – колхозной, что также имело свои отрицательные последствия, ибо сужало гамму проявления интереса к тем, или другим формам кооперации, получившим распространение в крестьянской среде. Так, 1 декабря 1930 г. было принято решение Средне-Волжским крайкомом о передаче предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции в районах сплошной коллективизации от кооперации колхозам.

Приходилось коммунистам и комсомольцам Оренбургского округа участвовать в выполнении постановления ЦИК от 7 августа 1932 г. При этом развернулись такие «мероприятия», как «позорный столб», «показательные процессы».

Создавались особые бригады для борьбы с хищениями. Как известно, этот закон был написан собственноручно Сталиным. В народе его назвали законом «о пяти колосках», потому что в обстановке надвинувшегося голода матери полумирающих детей становились, как писали тогда, «парикмахерами», состригая одну-две горстки колосков, чтобы спасти своих детей от смерти, сварить им кашу. По этому закону по стране было осуждено 55 тыс. человек, из них более 2 тыс. приговорены к высшей мере наказания. В более, чем 1000 случаях его привели в исполнение. Судьи говорили, что у них рука не поднимается наказывать крестьян и часто выносили оправдательные приговоры. Совесть не позволяла им осуждать голодающих. Однако только с января по май в Оренбургском округе было осуждено по этому закону 353 человека. Среди вынесенных приговоров была и смертная казнь.

Урожайность в Оренбургском округе в 1932 г. составила только 2-2,5 ц с га, а с 40 тыс. совсем не удалось ничего собрать. Сумели сдать государству только 1 млн. пуд. зерна. В результате убоя крупного рогатого скота в Оренбуржье даже к 1934 г. его было меньше на 200 тыс. голов, чем в 1913 г., а поголовье овец составляло менее третьей части былого. Так дорого обошлось отступление от гуманных принципов в осуществлении кооперирования крестьянских масс.

В годы первой пятилетки благодаря увеличению тракторного парка росли посевные площади, однако это не привело к увеличению производства зерна. В связи с засухами, а главное в результате нарушения разумных принципов при проведении коллективизации. Задачи первой пятилетки по развитию сельского хозяйства Оренбуржья не были выполнены ни по производству зерна, ни по увеличению поголовья скота. (Перед пятилеткой Оренбуржью ставилась задача удвоить размеры посевных площадей и поголовье крупного рогатого скота, утроить производство зерновой и животноводческой продукции).

В 1932-1933 гг. в стране разразился голод, ибо был получен меньший урожай, а вывоз за границу зерна не сократился.

К началу 1933 г. в колхозах Оренбургского округа было более 80% крестьян. Голод 1932-1933 гг. показал необходимость принятия срочных мер для укрепления колхозного строя и налаживания в них организации

труда. Изменение психологии крестьянства по существу только началось. Необходима была борьба за новую коллективную дисциплину труда, не было опыта ведения крупного

хозяйства. Для ликвидации этих трудностей Пленум ЦК и ЦКК, состоявшийся в январе 1933 г., принял решение о создании политотделов при МТС и совхозах. Укрепление колхозов стало задачей не только партийных, но и комсомольских организаций.

В числе коммунистов, направленных начальниками политотделов, были старые члены партии, имевшие большой опыт партийной работы: А.А. Ростовщиков, Н.П. Марков, Т.Ф. Ильин.

В дни, когда комсомольцы Оренбурга узнали об этом решении, лучшие из них подали заявления с просьбой послать их на работу в деревню. Первыми получили назначение в политотдел секретарь комсомольской ячейки электросварочного цеха ПВРЗ Даниил Корнилов. Потом его примеру последовали другие комсомольцы-добровольцы этого прославленного предприятия: Вошанин, Терехов. Со швейной фабрики двинулись на работу в деревню Каширин, Курочкин, Мишанин. Политотделы помогали наиболее рационально расставить силы для организации труда, наладить оплату в соответствии с личным вкладом.

Результаты деятельности политотделов зримо сказались на колхозе «МОПР» Оренбургского района, где до этого царил беспорядок в оплате труда, где привольно жилось тем, кто работал, не напрягая сил.

Однако первый политотдельский 1933 г. был в Оренбуржье снова недородным. В среднем с гектара собрали п 3-4 ц. Нормы хлеба еще более сократились. Самая большая составляла 500 гр., наименьшая – 200 гр. Голод привел к большой смертности населения [14]. В тот же год выселение кулаков, не без участия политотделов (насколько это были кулаки неизвестно, наверно, имелись среди них и середняки, судя по предыдущему), продолжалось.

13 сентября 1933 г. на заседании бюро Оренбургского горкома ВКП/б совместно с начальниками политотделов МТС заслушали вопрос о кулацких поселениях НКВД. Постановили: «Признать, что спецпереселенцы находятся в исключительно тяжелом положении: поселки не организованы, землянок нет, люди находятся в степи под открытым небом, накануне массовых заболеваний». Далее отмечалось, что тягло и инвентарь, которыми должны были их обеспечить, не выделены. В постановлении Оренбургского горкома ВКП/б говорилось, что необходимо обеспечить поселки лесоматериалами для строительства землянок, разрешалось спецпереселен-

цам проводить уборку урожая со своих огородов. Один из выступающих на бюро был председатель Оренбургского горсовета П.Д.Каширин, но это потом будет предъявлено в качестве криминала, по которому он будет расстрелян в 1938 г.

Политотделы при МТС были чрезвычайными, временными органами. Они не могли существовать долго. Не случайно на одном из заседаний политбюро ЦК ВКП/б С.Н. Киров высказался «за восстановление советской власти» в деревне, поскольку она по существу сосредоточилась в руках политотделов при МТС. Вскоре политотделы были ликвидированы, а при МТС появилась должность заместителя директора по политчасти.

В 1933-1934 гг. в Оренбуржье широко стали известны имена таких бригадиров как Н. Молчанов из Нижне-Павловской МТС, Сафрона Бочкарева из Халиловского зерносовхоза, Ивана Никитина из мясомолочного совхоза им. Цвиллинга, Ивана Аболихина из Тоцкой МТС.

В области проходило наращивание тракторного парка. На 1 сентября 1935 г. было в 104 МТС тракторов 7087, комбайнов – 1256. Рост числа МТС позволил в 1934-1935 гг. довести посевные площади до 3 млн. га, т. е. значительно увеличить их в сравнении с 1913 г., когда они составляли примерно 2 млн. десятин.

Начавшееся в стране в конце августа 1935 г. стахановское движение было связано с овладением передовой техникой того времени, передовыми методами труда и в городе, и в деревне. «Когда весть о Стаханове дошла до наших колхозов, до наших МТС, – вспоминал впоследствии один из знатных сельских новаторов Федор Колосов, – мне и другим комбайнерам показалось, что будто мы уже давно ждали этой вести».

Федор Колосов из Погроминской и Федор Широков из Переволоцкой МТС были первыми стахановцами среди оренбургских хлеборобов. Их имена известны всей стране. Примеру зачинателей последовали сотни и тысячи молодых тружеников Оренбуржья. В списке лучших комбайнеров области, награжденных орденами Ленина, более половины составили комсомольцы: В. Дубской, И. Варакин, Н. Комов, А. Нашев, А. Оськин, В. Широков.

1935 г. стал годом большого урожая в Оренбуржье. Валовой сбор составил 160 млн. пуд., или 26,6 тыс. ц, урожайность достигла 9,5 ц. Область дала стране 70 млн. пуд. хлеба, или 11,2 тыс. ц.

Процент коллективизации на 1 июля 1935 г. достиг в Оренбуржье 91,7. Одним из методов, способствовавших активизации деятельности

широких масс, было занесение тех или иных коллективов (колхозов, совхозов, МТС) на Красную Доску, вручение переходящих Красных знамен, награждение наиболее энергичных, инициативных и результативных орденами, а главное – организация соцсоревнований всесоюзного, областного, районного масштабов и особенно внутри хозяйств [15].

А когда в 1936 г. прославленная трактористка страны П.Ангелина призвала организовать Всесоюзное соревнование женских тракторных бригад, первое место в Оренбургском крае заняла бригада комсомолки Анны Лаптевой из Благовещенской МТС. Вскоре по итогам Всесоюзного соревнования этой бригаде было присуждено 3 место. Трактористки бригады Лаптевой в семь раз перевыполнили норму выработки на колесной трактор, существовавшую в стране, и сумели при этом сэкономить около 9 тонн горючего. После призыва Прасковьи Ангелиной: «Девушки, на трактор!» за его руль сели 7059 дочерей Оренбуржья.

Летом 1936 г. в области соревновались сотни механизаторов-стахановцев. Одержали победу комсомолки братья Александр и Архип Оськины. Они тогда убрали 3058, а в 1939 г. за сезон осилили 6012 га. [16]

Движение стахановцев крепло. В 1935 г. в области убрали более 600 га только десять комбайнеров, а в 1936 г. их стало более 420. При чем они теперь собирали урожай на площади от 600 до 1529 га каждый.

Повышение эффективности в деятельности трактористов и комбайнеров, их самоотверженность, не давали гарантии его устойчивости урожая.

В Оренбуржье, из этих семи лет, с момента образования области по 1940 г., по валовому

сбору зерна, три года были урожайными, два – средними, а два – неурожайными.

В обстановке ширящегося стахановского движения, господство административно-командной системы не ослаблялось. Секретарь Оренбургского окружкома Акулинушкин с гневом говорил о том, что у колхозников еще не изжит собственный интерес, что в Краснохолмской станции решили оставить по 25 пудов хлеба на едока, что «по этим настроениям надо ударить!».

Килограмм хлеба на едока в день считался ими недопустимой роскошью; колхозники в Черноречье, в распоряжении которых в 1933 г. было 103 лошади, были обвинены за то, что погибло 38 лошадей во вредительстве, хотя большинство погибших лошадей пострадали от бескормицы.

В декабре 1933 г. секретарь Оренбургского горкома Гришаев заявлял, что «колхозник, купивший лошадь, уже не колхозник..., он будет неизбежно изнутри подрывать колхоз» [17], т. е. неизбежно станет вредителем, врагом народа.

Вот до какой глупости в обстановке репрессий договорился секретарь Оренбургского горкома ВКП/б.

Не уже ли это было, подумает современный читатель. Увы, да. Мы цитировали слова секретаря Оренбургского горкома РКП/б, который призывал игнорировать личные интересы колхозников, считаться только с общими нуждами общества и страны.

Американская печать сообщила, что в годы Великой Отечественной войны товарного хлеба Россия получила в три раза больше, чем в период первой мировой войны. Фронт за исключением окружений (Ленинград, Одесса и др.) не испытывал тех гигантских трудностей, которые пережил солдат в годы первой мировой войны.

Список использованной литературы:

1. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. – М., 1989. – С.22.
2. Футорянский Л.И. Кооперация – третий путь развития России в начале XX в. // Вековой поиск модели хозяйственного развития России: Матер. междунар. науч.-практ. конф. г.Волжский, 25-27 сентября 2002 г. – С. 291-293. Футорянский Л.И., Ковылин Д.А. Кооперация – один из путей развития России в начале XX в. // Россия в поисках национальной стратегии развития. – Екатеринбург, Каменск-Уральский: Материал. Всерос. науч. конф. – Екатеринбург – Каменск-Уральский, 2003. – С.200-204.
3. Переписка К.Маркса и Ф.Энгельса с русскими политическими деятелями. – М., 1951. – С.5.
4. В.И.Ленин. ПСС. – Т.45. – С.376.
5. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННАО). Ф.1, оп.1, д.1206.
6. Там же. – Л.3-6.
7. Л.Футорянский. Оренбург и коллективизация // Диалог. – №7-8. – С.3 6-40.
8. Там же. – С.37.
9. ЦДННАО. Ф.4, оп.1, д.3, л.4.
10. Там же. Ф.1209, оп.1, д.60, л.2-3.
11. Там же. Ф.4, оп.1, д.4.
12. Там же. Ф.264, оп.1, д.1, л.2.
13. Очерки истории Оренбургской области.
14. Л.И.Футорянский. В годы предвоенных пятилеток. – Оренбург, 1993. – С. 199.
15. Л.И.Футорянский. Коллективизация // История Оренбуржья / Сост. и науч. ред. Л.И.Футорянский. – Оренбург, 196. – С.251.
16. Там же. – С. 252.
17. Там же.